

3. Диалог Олега Кильдюшова и Зинаиды Перегудовой // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12. – № 2. – С. 43–54.
4. Зайончковский, П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. – М.: Издательство Московского университета, 1964.
5. Кильдюшов, О. В. Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. – 2013. – Т. 12. – № 3. – С. 9–40.
6. Нижник, Н. С. Российская полицистика – наука и искусство управления государством // Вопросы государства и права: Сборник научных статей / под общ. ред. Л. В. Карнаушенко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. – С. 3–21.
7. Нижник, Н. С. Российская полицистика о дискурсивном и институциональном наследии эпохи полицейского государства // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы Международной научно-практической конференции, 17–18 сентября 2015 г. / под общ. ред. В. А. Сосова. – Краснодар: Издат. дом – Юг, 2015. – С. 41–55.
8. Нижник, Н. С. Российская полицистика: основные этапы становления и развития // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 764–786.
9. Нижник, Н. С., Ахмедов, Ч. Н. Правоохранительная система Российской империи: структурно-функциональный анализ. – СПб.: Астерион, 2008.
10. Нижник, Н. С., Дергилева, С. Ю., Геворкян, Д. С. Философия эвдемонизма как концептуальная основа теории и практики полицейского государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 3 (63). – С. 236–242.
11. Овченко, Ю. Ф. Московская охранка на рубеже веков, 1880–1904 гг. – М.: ИНСОФТ, 2010.
12. Пайпс, Р. Три «почему» русской революции / Пер. с англ. В. Е. Аллоя. – М.; СПб.: Atheneum, 1996.
13. Попов, В. Полицейский порядок эпохи абсолютизма в России и причины его краха в ходе Февральской революции 1917 года // Социологическое обозрение. – 2014. – Т. 13. – № 1. – С. 52–95.
14. Уортман, Р. Николай II и образ самодержавия // История СССР. – 1990. № 2. – С. 119–128.
15. Шанин, Т. Революция как момент истины: Россия 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. – М.: Весь Мир, 1997.
16. Stöltzing, E. Geleitwort zur Soziologie der Polizei // Beiträge zu einer vergleichenden Soziologie der Polizei. – Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2009. – S. 4–12.
17. Wolzendorf, K. Der Polizeigedanke des modernen Staats: ein Versuch zur allgemeinen Verwaltungslehre unter besonderer Berücksichtigung der Entwicklung in Preussen. – Breslau: Marcus, 1918. – S. 4–5.

БЕЛАРУСЬ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

В.Ф. Гизин

Минск, Белорусский государственный университет

Революционный процесс, протекавший в Беларуси, начиная с февраля 1917 г., представлял собой региональный вариант Великой Русской революции. Под революцией следует понимать не событие, не сам факт взятия власти (восстание или переворот), а процесс коренной ломки политических, социальных, экономических и даже культурных, нравственных устоев. При этом революция не всегда означает прогресс, движение вперед. Но в любом случае общество, потрясенное революцией уже никогда не возвращается к своему изначальному состоянию.

Великая Русская революция, начавшаяся в имперских столицах, очень быстро охватила большинство регионов России, и в каждом из них имела свои отличительные черты и протекала с разной скоростью.

На наш взгляд, революционный процесс в Беларуси занял период с 1917 г. по 1927 г. Последнюю дату следует формально связать с принятием Конституции БССР 11 апреля 1927 г. Но фактически она знаменует процесс политических, национально-государственных и социально-экономических преобразований в республике, завершение строительства советского строя.

Региональная особенность развития революции в Беларуси связана с одновременным ходом политической и социально-экономической трансформации и национально-государственного строительства. Характерной чертой ситуации в Беларуси являлось активное вмешательство внешних сил: крупномасштабные и продолжительные германская и польская военные интервенции.

Политическая трансформация белорусского общества проходила в несколько этапов: 1) февраль – октябрь 1917 гг.; 2) октябрь 1917 – февраль 1918 гг.; 3) март – декабрь 1918 г.; 4) январь 1919 г. – июнь 1920 г.; 5) июль 1920 г. – весна 1923 г. 6) лето 1923 г. – апрель 1927 г. Эти этапы, их хронологические рамки не полностью совпадают с периодами развития Русской революции в целом. Подобное отличие обусловлено теми специфическими чертами, которые были характерны для политической ситуации в Беларуси в революционный и постреволюционный период. Существенное влияние на темпы становления монополии большевиков на власть в Беларуси оказал внешний фактор, который проявился в немецкой и польской интервенциях, когда большая часть территории страны оказывалась под иностранной оккупацией. Кроме того, при изучении истории Русской революции в Беларуси следует учитывать происходивший одновременно процесс создания белорусской национальной государственности, причем в различных вариантах: советском (в виде БССР) и национально-демократическом (неосуществленная попытка создания БНР). Этот процесс повлиял на революционный процесс. Хотя нужно учитывать тот факт, что белорусский национальный вопрос далеко не всегда был в центре внимания, часто находился в прямой зависимости от конкретной политической ситуации.

Первый этап Русской революции характеризовался достаточной низкой скоростью политических процессов, их прямой зависимостью от ситуации в столицах. Важности Беларуси придавало то обстоятельство, что здесь, в Могилеве, находилась Ставка Верховного главнокомандующего. Именно в этот период относительно активно стало развиваться белорусское национальное движение, хотя оно так и не стало массовым.

Следующий этап революции начался с приходом к власти в крае и на Западном фронте большевиков. Субъективно лидеры РСДРП(б), как это следует из их публицистического и теоретического наследия, а также программных документов партии, очевидно, не желали полного устранения революционно-демократических партий и групп из политической жизни. Как отмечал несколько позже В.Г. Кнорин, революция должна быть “совершена при соблюдении всех демократических принципов”, а большевики Западного фронта “не думали об узурпации власти” [1, с. 30]. Запрет на легальную политическую деятельность был введен лишь для либерально-демократических и консервативных партий, важнейшей из которых являлись кадеты. Формированию у руководства РСДРП(б) устойчивого курса на концентрацию в своих руках всей полноты власти способствовал ряд причин. Среди них следует выделить стратегию и тактику партии

большевиков, направленную на коренную ломку и глубокое преобразование всего общества, перестройку системы взаимодействия политических сил, органов власти. Другой причиной являлось то, что в России, пребывавшей к октябрю 1917 г. в состоянии продолжавшейся войны, незаконченной революции, гражданское общество не сложилось, политические традиции не устоялись, а склонность к применению авторитарных методов политической борьбы и государственного управления была чрезвычайно сильной. Кроме того, вскоре после Октябрьского вооруженного восстания стало ясно, что большевикам не удастся быстро разрешить социально-экономические проблемы и в ограниченный срок реализовать свою политическую программу. Это, в свою очередь, означало сокращение социальной базы РСДРП(б). В связи с этим новой правящей партии необходимо было выявить в рядах своих противников политические течения, которые ориентировались на схожие с большевистскими ценности, и интегрировать их представителей в органы власти. Эта задача была решена путем союза с левыми эсерами, который призван был также расколоть, дезорганизовать, а следовательно, и понизить влияние, наиболее сильного конкурента большевиков – партии эсеров, одержавшей в целом по России победу на выборах в Учредительное собрание.

Белорусское национально-демократическое движение, прежде всего БСГ и контролируемые ею представительные органы (ВБР, ЦБВР и др.), в конце 1917 – начале 1918 г. не рассматривалось ни большевиками, ни их противниками в качестве влиятельной политической силы. Роспуск Всебелорусского съезда в декабре 1917 г. явился результатом несогласия Облисполкома с выдвинутым БОК проектом создания нового советского краевого правительства Беларуси, поддержанного на уровне общероссийского Совнаркомом и предусматривавшего определенный паритет в органах власти между преимущественно большевистскими структурами Западной области и фронта и левонародническим БОК.

В 1918 г. на территории Беларуси, оккупированной кайзеровской Германией, определилась тенденция к восстановлению многопартийной системы. Однако она оказалась не полностью реализованной. Первоначально существовавший консенсус между двумя политическими лагерями (общедемократическим и белорусским национально-демократическим), возникший в результате осознанной необходимости координации усилий различных политических сил для организованного противостояния большевикам, был сорван из-за расхождения сторон по вопросу о путях построения государственности Беларуси.

Крупнейший отечественный исследователь этой проблемы Н.С. Сташкевич справедливо отмечал: «Создание белорусской национальной государственности проходило в обстановке острейших социальных столкновений и потрясений, вызванных российской революцией. Поэтому события, связанные с рождением белорусской государственности, сегодня никак не вписываются в однобокие надуманные схемы» [2, с. 141]

На советской территории основным фактором политической жизни весной-летом 1918 г. были отношения между большевиками и левыми эсерами. Брестский мир и разногласия по крестьянскому вопросу выступили в качестве очевидных проявлений более глубоких причин расхождения между этими двумя партиями. Исполнив роль стабилизатора легитимности новой власти и расколов эсеровские ряды, левые эсеры исчерпали свой функциональный потенциал в правительственной коалиции. Усиление их позиций в первой половине 1918 г., вызванное недовольством со стороны населения политикой большевиков, а также переходом части советского электората от изгнанных из Советов меньшевиков и правых эсеров к ПЛСР, лишь

обострило противоречия между двумя советскими партиями. Недолгий период существования левых эсеров в качестве основной советской оппозиционной партии нельзя характеризовать как складывание тенденции к оформлению двухпартийной системы. Во-первых, такая цель никем не провозглашалась, во-вторых, большевики в условиях начавшейся гражданской войны объективно были заинтересованы не в закреплении левых эсеров в качестве легальной оппозиции, а в предельно жесткой консолидации общества, построении централизованной военно-политической системы управления страной, исключавшей всякую оппозицию. В Беларуси, более чем в других регионах России, конфликт между большевиками и левыми эсерами был в значительной степени предопределен политикой самой правящей партии, стремившейся укрепить свое лидирующее положение в крае.

Изгнание из Советов правых эсеров и меньшевиков в июне 1918 г. и устранение левых эсеров как влиятельной оппозиционной силы в июле-августе того же года явились этапными вехами в процессе формирования монополии Компартии на власть. На рубеже 1918 и 1919 гг. в Беларуси определилась тенденция к оформлению однопартийной системы, наиболее ярко проявившаяся во время создания БССР, когда органы Компартии по существу подменяли собой институты государственной власти. Стремление правящей партии отстранить от рычагов управления своих политических конкурентов выступало характерным признаком политической системы т.н. «военного коммунизма». Последний представлял собой тотальный контроль партийных и государственных органов над большинством сфер жизни и возник в результате осуществления революционных идей в условиях военного времени. Его отличие от обычного тоталитаризма заключается в определенной институциональной гибкости, т.е. незавершенности построения системы управления. Для периода «военного коммунизма» была характерна революционная диктатура, осуществлявшаяся под руководством партии большевиков. При этом за Компартией был закреплен исключительный доступ к властным полномочиям, демонтирован механизм легальной смены власти, монополизированы основные властные ресурсы. В Советской Беларуси допускалось легальное существование прочих политических партий, которые сохраняли определенную долю критичности по отношению к правящей партии, но были лишены реальной возможности прийти к власти и использовались ею как средство расширения социальной базы режима и канализации недовольных элементов в подконтрольные политические структуры.

Белорусский историк В.Е. Козляков справедливо отмечал, что размах гражданской войны в России был обусловлен не только противостоянием «белых» и «красных», но гораздо более многоплановой и многоуровневой политической борьбой, а также «наличием огромной массы населения, не желавшей подчиняться никакой власти» [3, с. 215].

Советская политическая система окончательно сложилась в Беларуси к 1927 г., когда, во-первых, все политические партии и группы, противостоящие правящей партии, были дезорганизованы и оказались в глубоком идейном и организационном кризисе, что и позволило в конечном итоге их ликвидировать, во-вторых, юридически, а также практически был закреплен механизм управления Компартией государственными и общественными структурами, в-третьих, в результате серии планомерных акций советской стороны была устранена как влиятельная политическая сила белорусская эмиграция. Последний момент был весьма важен для Беларуси. В силу пограничного положения республики, широкого распространения в период борьбы против польских оккупантов национально-освободительных идей, особенно среди интеллигенции, политическая эмиграция

выступала не только в качестве фактора осложнения внешнеполитической ситуации, но и как потенциальный дестабилизатор внутреннего положения. По существу, к середине 20-х гг. в БССР возникла единая партийно-государственная правящая элита, причем Коммунистическая партия руководила перемещением кадров по горизонтали и вертикали, рекрутировала новых функционеров, что позволяло ей выступать в качестве основы всего государственного устройства.

Таким образом, революция не достигла провозглашаемых ею изначально целей. Однако в Беларуси она увенчалась важнейшим результатом – созданием суверенного государства в рамках Советского Союза. Общество подверглось, пожалуй, одной из самых глубоких политических трансформаций за всю историю. Причем произошло это в очень сжатый срок, что было обусловлено невероятной интенсивностью революционного процесса, который затронул все стороны жизни.

Источники и литература

1. Кнорин, В.Г. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте. – Минск: Госиздат Белоруссии, 1925.
2. Сташкевич, Н.С. Формирование идеологии белорусской государственности / Н.С. Сташкевич // Беларуская думка. – 2001. -- № 1. – С. 136-147.
3. Козляков, В.Е. Национальный вопрос и неонароднические партии. Начало XX в. – конец 20-х гг. (На материалах России, Беларуси, Украины). – Мн., 2001.

ИСТОЧНИКИ ПО ВЫБОРАМ В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ АРХИВЕ БЕЛАРУСИ

Н.А. Шемпехова

Могилев, МГУ им. А.А. Кулешова

Помимо опубликованных источников по истории, деятельности и функционированию Государственного совета Российской империи в 1906-1917 гг., в Национальном историческом архиве Беларуси содержатся архивные документы, представляющие значительный научный интерес для исследователей истории парламентаризма начала XX века.

Данные материалы позволяют изучить процесс выборов в Государственный совет и дать характеристики его членов от Витебской, Могилевской и Минской губерний.

Часть дел представленных в фондах архива, касаются заявлений по жалобам землевладельцев об исключении их из списков имеющих права быть избранными в члены Государственного совета. Так в одном из имеющихся материалов отражена жалоба землевладельца В. Коссова об исключении его, из списка землевладельцев имеющих право быть избранными в члены Государственного совета по Витебскому уезду [1; л. 1]. Его исключение произошло ввиду отсутствия информации о возрасте и образовательном цензе. Витебская Уездная по делам о выборах в Государственную думу комиссия просила предоставить все необходимые сведения для разрешения данного вопроса.

Подобные жалобы нередковстречаются в фондах архива. Дело по жалобе графа Г. Х. Броэль-Плятера об исключении его кандидатуры для выборов в члены Государственного Совета по Двинскому уезду [2; л. 1-2]. Он не был допущен к выборам ввиду того, что действовал на основании своей жены графини М. Э. Броэль-Плятер, которая